

Елена Арсеньева

Морская волчица (Ольга Голубовская)

Часть сборника
Дама плаща и кинжала (сборник)

Елена Арсеньева
Морская волчица
(Ольга Голубовская)
Серия «Дамы плаща и кинжала»

Текст книги предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161299

Елена Арсеньева «Дамы плаща и кинжала», серия: Исторические новеллы о любви: ЭКСМО; Москва; 2004

Аннотация

«Это был один из интереснейших домов Петербурга – дом княгини Юсуповой на Литейном. Говорят, этот самый дом был описан Пушкиным в «Пиковой даме»! Именно там якобы прятался на черной, узенькой лестнице обманувший Лизу Германн, поглядывая сквозь приоткрывшуюся дверь спальни на портрет красавицы с аристократической горбинкой тонкого носа, с мушкой на щеке и в пудренном парике. Портрет той самой графини, к которой был неравнодушен сам великий магнификатор Сен-Жермен и которой он открыл три заветные, беспроигрышные карты: тройка, семерка, туз...»

Елена Арсеньева

Морская волчица

Ольга Голубовская

(Елена Феррари)

Мир догадок и тайн... Мир коварства и обмана, в котором как рыбы в воде чувствовали себя не только мужчины, но и женщины. Выведать государственную тайну, оказать влияние на политику целой страны или поведение некоего выдающегося человека, организовать убийство императора или полководца – они справлялись с этими заданиями с той же лихостью, что и их коллеги сильного пола.

Их сила была в их слабости.

Виртуозные притворщицы, они порой и сами не могли отличить свою ложь от своей правды. Именно поэтому в эти игры охотно вступали актрисы: каждая из них мечтала об амплу главной героини интриги! Бывало, впрочем, что и добропорядочные мужние жены, вдруг ощутив в крови неистовый вирус авантюризма, вступали на тот же путь.

Каждая из них вела свою роль под маской невидимки. Великую роль – или эпизодическую, ведущую – или одну из многих. Кто-то из них вызывает восхищение, кто-то – отвращение.

Странные цели вели их, побуждали рисковать покоем, честью, жизнью – своими и чужими. Странные цели, а порою и непостижимые – тем более теперь, спустя столько лет и даже веков. Хотя... ведь было же когда-то сказано, что цель оправдывает средства. Для них это было именно так.

Познакомившись с нашими российскими дамами плаща и кинжала, можно в том не сомневаться.

* * *

Это был один из интереснейших домов Петербурга – дом княгини Юсуповой на Литейном. Говорят, этот самый дом был описан Пушкиным в «Пиковой даме»! Именно там якобы прятался на черной, узенькой лестнице обманувший Лизу Германн, поглядывая сквозь приоткрывшуюся дверь спальни на портрет красавицы с аристократической горбинкой тонкого носа, с мушкой на щеке и в пудренном парике. Портрет той самой графини, к которой был неравнодушен сам великий магнifikатор Сен-Жермен и которой он открыл три заветные, беспрюирышные карты: тройка, семерка, туз...

В 1916 году в особняке Юсуповой проводили литературные вечера самого разного свойства. То чествовали память писателя Гарина-Михайловского, то выступали футуристы... Главным героем этого вечера был знаменитый Игорь Северянин. Он первым удостоил публику своих сти-

хов, не забыл упомянуть об Амазонии, которая процветает, несмотря на то (или потому?) что она «сплошь состоящая из дам», поведал о паяце, который рыдает «за струнной изгородью лиры», и, разумеется, рассказал горестную историю королевы, которая отдалась своему папу. А потом он напомнил всем свое коронное:

– Я гений, Игорь Северянин, своей победой упоен... – и отбыл блистать в какой-то другой дом.

Впрочем, Северянина слушали настолько часто, что его лирика, прежде эпатирующая, уже порядком приелась собравшимся. Они жаждали чего-то новенького, скандальненького. Футуристы – это слово очень много обещало! Настоящие знатоки говорили, что появился-де какой-то молодой поэт, который ходит исключительно в желтой кофте и сравнивает землю с женщиной, которая «елозит мясами, готовая отдаться».

Да и желтая кофта уже не брала за душу. Рассказывали, что футуристы как-то раз, во главе с этим своим безумным Бурлюком, прошлись по улицам Петрограда совершенным голышом, зажав в зубах сигары!..

Однако на сей вечер они явились одетыми. Правда, не вполне как люди: на ком-то фрак был вывернут наизнанку, на другом фрак был как фрак, зато вместо черных брюк – полосатые кальсоны... Женщины тоже изощрались как могли: одна, к примеру, была одета, можно сказать, нормально, если не считать, что одна половина ее платья была синяя, а дру-

гая – зеленая, один чулок черный, а другой темно-желтый. Туфельки, правда, были одинаковые: голубые. Но этот по-пугайный наряд казался просто-таки мещански-приличным рядом с облачением другой футуристки.

Она была маленькая (едва доставала прочим до плеча), черноволосая и черноглазая – не то еврейского, не то цыганского, не то итальянского типа, – можно сказать, красавица, но красота ее была отмечена явной печатью порока. Пышные черные волосы ее были распущены, в них тут и там воткнуты птичьи (кажется, даже петушины!) перья, черные и алые, а худенькое, словно бы полудетское, тело обмотано... серой рыболовной сетью.

Под сетью явно не было *ничего*...

Высоким, чрезмерно тонким и резким голосом футуристка читала какие-то стихи – настолько невразумительные, что даже при всей страсти к новациям в них нельзя было найти ничего – ну ничего! – ни для ума, ни для души. Однако сии стихи никто и не слушал: все, что мужчины, что женщины, смотрели на ее соски, которые торчали сквозь ячейки сетки.

Соски были алые. И собравшиеся усиленно гадали, в самом ли деле у футуристки соски такого цвета, либо они сильно подкрашены алой краской. Известно, что подкрашивать кончики груди было в обычае у Клеопатры и греческих гетер... Впрочем, говорят, что футуристы не признают никаких приличий и исповедуют свободную любовь, так что у них всякая женщина – гетера.

Некоторые знатоки искусства нашли, что поэтесса очень напоминает известный портрет Иды Рубинштейн кисти Серова. Довольно скандальный портрет, надобно сказать! Правда, в отличие от Иды Рубинштейн футуристка все же была хоть как-то одета.

Короче говоря, за свои невразумительные, неразборчивые стихи она сорвала аплодисментов больше всех. Для поэта в желтой кофте их уже не осталось. Собравшиеся втихомолку выясняли имя дамы с алыми сосками.

Футуристы называли ее Еленой Феррари... За этот псевдоним и за алые соски ей можно было вполне простить даже ту чушь, которую она читала.

Вечер закончился фуршетом. Поэтам тоже дали перекусить и выпить, уж больно голодные глаза были у многих, в том числе у этой Феррари. Нашлись несколько мужчин, которые с преобладающим удовольствием угостили бы ее ужином поплотнее изящных канапе – разумеется, не за просто так и не за стихи, а, к примеру, за общение на канапе размером побольше... Однако, поспешно проглотив несколько бутербродиков и залпом опрокинув бокал с шампанским, футуристка исчезла бесследно. Кто-то видел, как она входила в дамскую комнату, однако куда пропала потом – неведомо. Правда, из роскошного ватерклозета выскользнула какая-то тощая, черная, будто галка, барышня – по виду совсем из пролетариев, одетая редкостно убого, с тучком под мышкой и в стоптанных башмаках, – но ее приняли за какую-нибудь нанятую

на вечер уборщицу и внимания не обратили. А между тем то и была пикантная Елена Феррари, она же – Ольга Голубовская, она же... А черт ее знает, как она звалась на самом деле, ведь свое настоящее имя она скрывала от всех. Как и многое, очень многое из своей многотрудной биографии!

* * *

Ночь на Босфоре – тяжелое испытание вечной красотой. Полны тоски эти феерические ночи, когда небо сияет, а море заколдовано лунной и замерло, словно готовится к празднеству, которое все никак не наступит. День слепит и сияет, и тоже обещает невесть какие радости, да эти обещания никак не сбываются.

Здесь, в Стамбуле-Константинополе, в чужой, мусульманской земле, которая некогда принадлежала Византии, оплоту христианства вообще и православия в частности, в октябре 1921 года держалась погода то теплой осени, то холодной весны. Иногда выпадали совершенно летние дни. Воздух, благостный ласкающий воздух был прозрачен, отчетливо виднелись дали с громоздящимися на склонах холмов домами, траурные кипарисы... А то вдруг налетала пурга, выпадал снег, и русские беглецы начинали играть в снежки на улицах. Эти снежки в Стамбуле производили такое же впечатление, как если бы самоеды швырялись ананасами!

Иногда раздражалось все разом: дождь, снег, град, гром,

молния – точно бы небо давало наглядный урок по космографии. А потом снова – сияние солнца, слияние синевы небес и синевы волн, ослепительная, губительная, тоскливая, чужая красота...

«Лукулл» слегка покачивался на синей зыби Босфора. Выделяясь своими изящными очертаниями среди судов, загроздивших порт, он казался барской игрушкой. В прежнее время «Лукулл» был яхтой российского посла в Константинополе и носил название «Колхида». Теперь, в 1921 году, яхта получила имя «Лукулл» и стала принадлежать командующему Черноморским флотом, а на то время, когда русская армия, ушедшая под натиском красных из Крыма, обосновалась в Константинополе, «Лукулл» сделался штаб-квартирой генерала Петра Николаевича Врангеля. С докладами все военные чины из города и из Галлиполи и даже редактор общевойсковой газеты ездили на «Лукулл». Многие совещания происходили тут же. На «Лукулле» Врангель переживал трагедию своей армии, размещенной в Галлиполи, на острове Лемнос, вынашивал планы контрнаступления. Отсюда барон Врангель вел свою упорную борьбу, пытаясь отстаивать перед союзным командованием целостность военной организации «бывшей России».

«Лукулл» стоял совсем близко от берега.

15 октября 1921 года с ним случилось происшествие, бесспорно, уникальное в мировой истории и в морских анналах.

Отцом Ольги Голубовской был сапожник из Екатеринослава. Очень может статься, дочку его и в самом деле звали так, однако фамилия была, конечно, другая. От той фамилии Ольга избавилась с ненавистью – не к той нации, которая ее породила, а к своему социальному происхождению. Скрюченный, унылый сапожник с чахоточной грудью и вислым носом, скупой, ворчливый, скандальный, ненавидящий и жену, и детей... – нет, такой отец ей был не нужен! И мать, заморенная ежегодными родами, и бессчетный выводок братьев и сестер... Ольга хотела учиться, а не надрываться в прачечной, куда ее определили на работу. Потом ей чудом удалось устроиться в типографию, помощницей наборщика. Вообще-то туда предпочитали брать мальчишек, однако ребу очень сурово указал владельцу типографии на его жестокосердие, и тот решил, что принять на работу сапожникову девчонку – дешевле, чем платить положенную десятину.

Ольга проработала в типографии два года. За это время она приохотилась читать и читала все, что ни печаталось, – от газет и журналов до приключенческих романов и экономических брошюр, от рекламных листовок и визитных карточек до стихов и словарей. Мало того, что начиталась вволю, – научилась по-французски, по-итальянски и даже по-турецки. Среди работяг были трое веселых-развеселых

молодчиков-пропойц, которых нарочно держали для набора иностранных текстов. Сначала в шутку, а потом всерьез начали они учить угрюмую черноглазую девчонку языкам. Тут и словари кстати пришлись. Наборщики дивились: память у сапожниковой дочери была просто волшебная – все запоминала влет, способности к языкам у нее оказались невероятные. Сначала слово «полиглот» Ольга воспринимала как оскорбление, потом притерпелась к нему. От восхищения своих типографских приятелей она даже себя заужавала и... сохранила это теплое чувство к себе навсегда.

Но вот однажды Ольге приказали пойти в другой цех и помочь на резке бумаги. В первый же день она оттяпала себе мизинец – и рабочая карьера закончилась...

Промаявшись от боли два месяца (рана никак не заживала), Ольга окончательно возненавидела семью. Ее теперь запрягли в домашние работницы, а на ее место в типографию владелец, по настоянию того же ребе, взял ее младшего брата и считал себя после этого невесть каким благодетелем сапожникова семейства. Ольгу тошнило от прокисшего духа плохо выделанных кож, гвоздей, ваксы, которую сам, собственноручно варил отец для меньших братьев – чистильщиков сапог... Больше всего на свете Ольга мечтала уехать – вон из Екатеринослава, в Москву, в Петербург! Но откуда взять денег на билет? Не в собачьем же ящике ехать!

Хорошенько подумав, она стала по вечерам уходить на восточную окраину города, где стояли несколько рабочих каба-

ков, и там заработала самым доступным ей способом нужные ей на дорогу деньги. Способ оказался приятным, поэтому Ольга поработала еще немножко для чистого удовольствия и только потом, уложив в узелок несколько перезрелых желтых огурцов, буханку, бутылку с водой и застиранную розовую «парадную» блузочку, уехала в Петербург, который тогда как раз начал зваться Петроградом – шла империалистическая война, и немецкое название вымарали на географической карте.

Пока она ехала в столицу, деньги кончились, пришлось прямо на вокзале сколачивать новый капитал. Здесь, правда, гоняли городовые, которые оказались куда более свирепыми, чем в Екатеринославе. Но Ольге повезло сразу: пошла с каким-то студентиком, который снимал комнатушку в полуподвале (стол, стул, а матрас лежал на полу), да очень по душе пришлась хозяйину сего матраса своим мастерством, а главное, тем, что с удовольствием слушала его стрекот... Говорил студентик не просто так – читал стихи собственного сочинения. Ольга вспомнила стихи, которые приходилось набирать в типографии. Тогда казалось, их какие-нибудь небожители пишут, а они, поэты, вон какие, оказываются! А может, и ей попробовать складывать строчки?

Рифмы давались легко, но студентик-любовник сказал, что она – пережиток прошлого, который пора выкинуть на свалку истории и литературы. Теперь главное – писать позлее, позвончее, побессмысленней и понепристойней, тогда

успех среди футуристов обеспечен. Сам он тоже считался футуристом. Ольга последовала его совету – и любовник пришел в восторг!

Он уверял, что товарищи охотно примут ее в свой «цех». Привел на сборище к Бурлюку – это был у футуристов не то бог, не то сатана, Ольга так и не поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.